

А. РУДАЛЁВ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК
Домбровская Н.С.,
Научный руководитель Говорухина Ю.А.
Сибирский федеральный университет

Андрей Геннадьевич Рудалёв, публицист, литературный критик, родился 10 июня 1975 года в городе Северодвинске Архангельской области, в 1997 году окончил филологический факультет Поморского государственного университета. В настоящее время работает пресс-секретарем Совета депутатов Северодвинска. А. Рудалев – участник форумов молодых писателей в Липках, семинаров для писателей, пишущих для детей, лауреат литературной премии «Эврика!» (2006 г.). С критическими заметками выступал в журналах «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Октябрь», «Москва», «Континент», «Наш современник», «Урал», «Двина» (Архангельск), «Север» (Петрозаводск), «День и ночь» (Красноярск), «Аврора» (Санкт-Петербург), сборнике «Новые писатели» (выпуск второй, г. Москва), газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Завтра», «День литературы», «Экслибрис НГ».

А. Рудалёв – современный критик, который пытается ответить на вопросы, волнующие поколение «нулевых». Он ищет выход из сложившейся ситуации в литературе, в которой, по словам других деятелей (И.Фролов, М.Бойко) нет ничего художественного, а сама литература потеряла свой облик, даже герои этих произведений перевоплотились в «скотов».

Имя А. Рудалева связывают с поколением «нулевых», называют теоретиком, авторитетным критиком, типичным представителем «нулевых». Действительно, в текстах А.Рудалева можно обнаружить ряд суждений, посвященных феномену «нулевых», в которых акцентируется новизна новейшей литературной практики: «В начале “нулевых” наша литература порвала с постмодернизмом и шагнула навстречу реальности, она пыталась напитаться духом времени, наиболее полно фиксировать и отрефлексировать его, выходя на наиболее подходящий этим задачам язык. <...> литература, хоть и обратила к себе читателя, но так и не стала важным фактором времени, практически не оставив в нем какого-либо значительного следа». А. Рудалев стал участником Круглого стола «Литература “нулевых”: предварительные итоги», в рамках которого ряд современных критиков и писателей обсуждали проблемы - был он или не был, что это такое, оправдал ожидания, нет, не фикция ли. Отвечали на вопросы о характерных чертах отечественной литературы и окололитературного мира прошедших девяти—десяти лет, и как им представляется течение современного литературного процесса - прогрессом или движением вспять?

Ключевым моментом, по мнению Рудалева, стал «новый реализм», который сложился в поколении «нулевых». Ведь само понятие «нулевых» и «нового реализма» тесно связаны.

Очень интересный “диалог” между литераторами создал Рудалев в своей статье «Катехизис “нового реализма”». Вторая волна, где он сопоставляет мнения авторов, высказанные на эту проблему. Многие категорично отзываются по теме «нового реализма», считая, что пора заменить безызыковость и «игры на консервных банках» – «синтаксическим излишеством». Категоричен так же и Владимир Лорченков, для него

все эти авторы лишены звания «писателя», они лишь «публицисты, которые пытаются свои газетные и радиальные с телевизионными выступления навязать как «новый реализм» («Русский Олимп – брошенный диван», Октябрь, № 2, 2010). Обсуждает абсолютно разные мнения, которые имеют место быть, как например, мысли Бойко и Фролова, которые абсолютно разноплановы, но именно на такие мнения и опирается, потому что они и создают целостную картину того, что происходит в литературе: «Если Игорь Фролов делает акцент на языковой “убогости” этого явления, то Бойко утверждает, что “новому реализму” присуща “духовная нищета”, а авторы зациклились “на бытописательстве и материально-предметном мире”».

Далее, цитируя еще пару критиков, Рудалев подводит читателя к очень интересному мини-выводу. «Получается, - говорит он - что в дискуссии о “новом реализме” четко вырисовывается общее место: великомудрыми критиками сами «новые реалисты» рисуются то малограмотными варварами, дикими гуннами, то, как их обозначил Игорь Фролов, “беспризорниками” - детьми развала страны, потерявшие литературную преэминентность и корчащиеся безязыкими («Новый реализм» как диктатура хамства)». Можно сказать, исходя из общескладывающегося положения, что литераторы сами себя ставят в тупик, противоречат своим же словам, чем закончится этот спор?

Спор вокруг чего? Далее Рудалев подводит к обсуждению самого существования данного направления, получается, многие считают, что сам термин «новый реализм» не имеет никакого смысла, и не является “отличительной метой” только лишь поколения 2000-х («Какой счет?» как главный вопрос русской литературы», Знамя, № 4, 2010).

Владимир Бондаренко предлагает россыпь терминов взамен: «новые левые», «новая социальность», «протестная литература» (так и слышится в этом классический «критический реализм»), Евгений Ермолин выдвигает заумь - «трансавангард» (его можно экспортировать зарубеж). Периодически возникает такое понятие как «новые романтики» (Кирилл Анкудинов, Дмитрий Трунченков).

Кто-то выводит генеалогию «нового реализма» из советской литературы и говорит, что это не что иное как возрождение «соцреализма», доказывая этот постулат обращенностью молодого писательского поколения в советское прошлое (например биография Леонида Леонова пера Захара Прилепина).

Общим местом стало утверждение, что «новый реализм» - гвоздь в крышку гроба отечественного постмодернизма, реакция на усталость от него. Видится в этом и некая поколенческая борьба – пришли молодые и активно работают плечами, еще по сути ничего не сделав.

Рудалёв в своих критических статьях и рецензиях не ограничивается размышления и анализом на теории «нового реализма», но и оценивает художественного произведения, написанные поколением «нулевых». Его критическое суждение рождается из осмысления текста и его «чужих» рецептов. Таким образом, тексто-/смыслопорождающими моментами являются произведение и диалог с другими критиками.

Яркий тому пример – статья «Обыкновенные странные люди», посвященная творчеству Александра Карасева, в которой Рудалёв тезисно анализирует идеи своих «соратников по цеху», подтверждая или же опровергая их.

Рассказы Александра Карасева лаконичные, яркие, в них все пережито, наполнено неподдельным смыслом жизни, то, как человек живет войной, как он не может адаптироваться к обычным условиям.

Валерия Пустовая отмечает, что в Карасеве мало тайны, а значит, изображаемый опыт армии и войны им самим не вполне осмыслен, не переработан в обобщающие символы и мысли. Все это делает рассказы Карасева слишком близкими к публицистическим заметкам. Художественные образы подменяются логическими характеристиками. Простота здесь как повод отказать автору в художественности. «Мало тайны» — хорошо это или плохо, показатель ли это неосмысленности мира? В рамках этой же логики рассуждает и Андрей Немзер. Для него рассказы Карасева понятны как две копейки и соответственно нехудожественны. «...Ознакомившись с рассказами «Запах сигареты», «Капитан Корнеев» и «Своя позиция», еще раз узнаешь: армия — это ад. Что вовсе не избавляет от необходимости работать над прозой даже тех, кто сквозь этот ад прошел». Ключевое у Немзера слово «ознакомившись», одно оно вполне характеризует отношение критика. Главный фокус повествования Карасёва — герои. Это, как правило, офицеры, прошедшие подготовку на военных кафедрах гражданских вузов, кадровые военнослужащие, солдаты срочной службы. Герои со своими слабостями и «тараканами» в голове, сильные и волевые, непредсказуемые, потому как жизнь поставила их в такую ситуацию, но это всегда личности. Некоторые из критиков даже не выделяют их, как героев.

Буквально противоположное мнение имеет Владимир Маканин, который делится своими впечатлениями после прочтения рассказа «Запах сигареты»: «...Это было то редкое чтение, когда читающий захвачен текстом сразу и без сомнений, удержит ли автор до конца предложенный с первой же страницы высокий уровень прозы. Всякое новое слово радует».

Суммируя высказывания, можно сказать: «обыкновенное, простое» в значении «точное» выводит на «что-то очень важное» — странное, т.е. необычное. К такой прозе нужно подобрать особый ключик, настроиться на ее волну. Простые герои, простые ситуации, простые отношения. Возможно, все дело в особой жизненной мудрости автора.